

ритм оригіналу. Слід, однак, зауважити, що в перекладах вільних віршів, на відміну від класичних, нерідко спостерігається згортання емотивних мікрообразних фрагментів, тобто імплікація образного змісту і компресія його форми.

Використана література:

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
2. Белова А.Д. Лингвистические аспекты аргументации. – К.: Логос, 2003. – 304 с.
3. Вакуленко Е.В. Эмотивная единица перевода в художественном тексте // Университетское переводоведение. Вып. 5. М-лы V Междунар. научн. конф. по переводоведению “Федоровские чтения” 23 – 25 октября 2003 г. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2004. – С. 74-79.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Рус. словари, 1996. – 416 с.
5. Літературознавчий словник-довідник / Р. Т. Гром’як, Ю. І. Ковалів та ін. – К.: ВЦ “Академія”, 1997. – 752 с.
6. Макаров А. Археологія поетичного мислення // Поезія – 88: Зб.: / Редкол. М. Вінграновський, О. Лупій та ін. – К.: Рад. письм., 1988. – Вип. 1. – С. 197-217.
7. Пермінова А.В. Відтворення англійської сенсорної лексики в українських віршових перекладах: Автореф. дис. канд. ... філол. наук: 10.02.16 / К.: КНУ ім. Тараса Шевченка, 2003. – 20 с.
8. Селігей П.О. Внутрішня форма назв емоцій в українській мові: Автореф. дис. канд. ... філол. наук: 10.02.01/ Київ. ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні НАН України. – К., 2001. – 20 с.
9. Чабаненко В.А. Стилїстика експресивних засобів української мови: Монографія. – Запоріжжя: ЗДУ, 2002. – 351 с.
10. Symonenko V. Granite Obelisks. Selected, transl., and annotated by Andriy M. Fr.-Chirovsky. – U.S.A. Jersey City: “Svoboda”, 1975. – 144 p.
11. Vorobyov M. Wild dog rose moon. Місяць шипшини. – Transl. by Myrosia Stefaniuk. – Canada, Toronto, Ont.: Exile Editions Ltd, 1992. – 101 p.

Калужская Л.О.

Запорожский национальный университет

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА АВТОРИТЕТНОГО ТЕКСТА

Постановка проблемы в общем виде. Данная работа выполняется в рамках исследования, посвященного проблемам перевода авторитетного текста, который играет значительную роль в культуре оригинала и межкультурной коммуникации.

Актуальность проблемы и связь с научными задачами. В связи с активизацией процессов глобализации и демократизации мирового сообщества многовековая переводческая дискуссия о выборе стратегии перевода выходит на новый виток развития.

Анализ последних исследований и публикаций. Понятие *стратегия перевода* рассматривают с позиций лингвистического переводоведения В. Н. Коммисаров (2004), в рамках коммуникативно-функционального подхода Н. А. Дьяконова (2004). Стратегиям перевода уделяют внимание теоретики школы манипуляционного перевода С. Басснет, А. Лефевр (1996). Влияние явлений культурного различия, идеологии и доминирующего дискурса на выбор стратегии перевода изучает Лоренс Ветути (1998). Вопросы перевода авторитетного текста рассматривает английский теоретик и практик перевода Питер Ньюмарк (2003).

Цель статьи: определить стратегии, рекомендуемые для перевода авторитетного текста, и рассмотреть их позитивные и негативные аспекты.

В связи с поставленной целью предполагается решение следующих **задач**:

- определить основные стратегии перевода;
- выделить стратегии, предлагаемые для перевода авторитетного текста;
- рассмотреть особенности реализации переводческих стратегий при переводе метафор.

Научные результаты. Стратегия перевода трактуется В. Н. Комиссаровым как "...своеобразное переводческое мышление, которое лежит в основе действий переводчика..." [3, 356]. На выбор стратегии перевода влияют следующие факторы: цель перевода, адресная направленность, тип текста, характер языка оригинала, социальная норма перевода.

Основными задачами, решаемыми при помощи переводческой стратегии, являются выбор текста и развитие метода перевода [8, 240]. Решение данных задач, полагает Лоренс Венути, определяется культурными, экономическими и политическими факторами.

В современном переводе существует несколько точек зрения по поводу выделения основных стратегий перевода. Представители школы манипуляционного перевода Сьюзен Баснет и Андре Лефевр рассматривают три стратегии и обозначают буквальный перевод как модель Св. Иеронима, ассимиляцию как модель Горация и остранение как модель Шлейермахера [5, 2-10].

Св. Иероним считал стратегию буквального перевода единственно возможной при работе с Библией. Верным мог быть только подстрочный перевод: "... in which one word would match another, indeed, in which the translated word would be written under the word it was supposed to translate" [5, 2]. В современном переводе модель Св. Иеронима служит фундаментом для работы с научно-технической литературой для обучения переводу [5, 8].

Древнеримского поэта Горация считают родоначальником стратегии ассимиляции. Гораций полагал, что переводчик имеет дело с двумя языками и заказчиком перевода и руководствуется в своей работе не верностью тексту, а потребностями клиента [5, 3]. Ассимиляция подчиняет текст перевода лингвистическим, литературным и культурным нормам принимающей стороны.

В 19 веке немецкий теолог и теоретик перевода Фридрих Шлейермахер выдвинул идею о необходимости иного подхода к переводу: "... the translator's goal must be to provide his reader with the same image and the same pleasure as reading the work in the original language offers to the man educated in this way, whom we usually call, in the better sense of the word, the amateur or the connoisseur" [9, 44]. Таким образом, он предложил стратегию остранения, осуществляющуюся путем вкрапления в текст перевода элементов, маркирующих иностранное происхождение этого текста. По образному выражению Шлейермахера, читателя текста перевода (ТПЯ) надо приблизить к автору текста оригинала (ТИЯ) [6, 28].

Л. Венути полагает, что все стратегии перевода следует разделить на две основные группы: domesticating (ассимиляция) и foreignizing (остранение) [8, 241]. Буквальный перевод является основой остранения. Доминирующая в мире современного перевода стратегия ассимиляции, по мнению Л. Венути, последовательно создает такую сетку выдвигания, которая уничтожает или нивелирует всё, что не востребовано принимающей культурой [10, 140].

Французский ученый Антуан Берман вступает в дискуссию о переводческих стратегиях с собственной точкой зрения на этический аспект переводческого акта. Берман считает, что этичным может быть признан перевод, в котором иностранное представлено как иностранное. Стратегия ассимиляции, на его взгляд, ведет к деформации произведения иностранного автора, которая выражается в значительных потерях информации [6, 149].

Имея представления об основных стратегиях перевода, необходимо определить, какой из них рекомендуется отдать предпочтение при работе с авторитетными текстами. Авторитетность текста зависит от статуса его автора [7, 16]. Питер Ньюмарк дает следующее определение авторитетным текстам “Authoritative text (or statement): An official text, or a text where the status of the author carries authority.” [7, 282] К авторитетным текстам относят классические произведения художественной литературы, философские произведения, официальные речи политиков [7, 39].

Отметим, что в поле нашего зрения находятся президентские речи как авторитетные тексты. В первую очередь необходимо рассмотреть типологии текстов и определить место президентских речей в данных типологиях, а так же методы перевода выступлений глав государств, предлагаемые современным переводоведением.

Представительница функциональной школы Катарина Райс разработала типологию текстов, в основу которой положена теория языковых функций Карла Бюлера [6, 73]. К информативному типу относятся тексты, в которых основную роль играет информативная функция (описание объектов, изложение фактов). В текстах экспрессивного типа на первом месте находится функция выражения. В оперативном типе текстов доминирует аппелятивная функция. Учитывая возрастающую роль технических СМИ в жизни современного общества, К. Райс представляет четвертый тип текста - аудиомедиальный, в котором информативная, экспрессивная и аппелятивная функция сопровождаются визуальными образами и аудио эффектами.

В рамках данной типологии официальные речи главы государства относятся к информативному типу текста. При переводе политических речей рекомендуется избрать целью перевода полную и точную передачу содержания ТИЯ. Поставив такую цель, переводчик имеет право прибегать к экспликациям при необходимости [6, 75]. Предвыборные речи президента квалифицируются как оперативный тип текста, и при переводе необходимо ориентироваться на создание “эквивалентного” эффекта, используя “адаптивный” метод [6, 75].

Предлагаемые К. Райс методы перевода текстов президентских речей ориентируются в первую очередь на реципиента текста перевода и соответственно относятся к стратегии ассимиляции.

Питер Ньюмарк представляет типологию текстов, основанную на работах К.Бюлера и Р. Якобсона. Основное внимание уделяется экспрессивной, информативной и вокативной функциям. П. Ньюмарк замечает, что ограниченное количество текстов можно квалифицировать как строго экспрессивные, информативные или вокативные, и целесообразно вести речь о текстах, в которых доминирует определенная функция. К экспрессивным текстам, в которых основную роль играет функция выражения, относятся произведения классической художественной литературы, авторитетные тексты, автобиография, эссе, личная корреспонденция. К информативным текстам, в которых на первом месте находится референтная функция, принадлежат учебники, научные работы, технические отчеты, статьи в периодике, протоколы. К вокативному типу относятся тексты, в которых доминирует аппелятивная функция, а именно инструкции, реклама, пропаганда, беллетристика. Согласно данной типологии президентская речь, являющаяся авторитетным текстом, квалифицируется как текст экспрессивного типа.

П. Ньюмарк разработал классификацию стратегий и методов перевода. Он выделяет 2 основные стратегии: первая word-for-word translation, ориентирована на язык оригинала, вторая adaptation, направлена на подчинение текста перевода нормам языка перевода [7, 45]. Остранение определено как один из методов стратегии word-for-word translation, и

обозначается термином *faithful translation*. *Faithful translation* воссоздает в переводе грамматическую структуру оригинала и “переносит” (транскрибирует) культуроспецифичные концепты [7, 46]. С точки зрения П. Ньюмарка метод *faithful translation* слишком догматичен и демонстрирует отсутствие компромисса [7, 46]. П. Ньюмарк считает, что при работе с авторитетными текстами как текстами с доминирующей экспрессивной функцией следует использовать метод семантического перевода (*semantic translation*) [7, 47]. Семантический перевод, выделяемый в русле стратегии *word-for-word translation*, представляет собой следующий после *faithful translation* шаг навстречу читателю перевода. Метод, при котором близко, если не буквально, переводятся экспрессивные компоненты (стилистический синтаксис, неологизмы) [7, 47], но, к примеру, транскрипция культуроспецифичных концептов осуществляется очень аккуратно, исходя из уровня знаний читателя ТПЯ [7, 82]. Оригинальные метафоры (в широком их понимании) переводятся буквально [7, 122].

П. Ньюмарк считает, что при переводе авторитетных текстов следует ориентироваться на текст ИЯ, маркируя в тексте ПЯ все отклонения от нормы ИЯ, генерируемые автором в тексте ИЯ [7, 16-20]. При этом переводчик не имеет право на улучшения (при работе со стилистическими недостатками) [7, 20], корректирование ошибок референтного характера [7, 23] и потери информации денотативного характера [7, 66-81].

Рассмотрим особенности реализации стратегий остранения и ассимиляции при переводе метафор. В политической коммуникации метафора является одним из наиболее мощных лингвистических средств, влияющих на интеллект, эмоции и волю адресата. Метафора представляет собой эффективное средство продвижения коммуникации, благодаря таким функциям, как когнитивная, интерактивная, аргументативная [2]. При исследовании перевода метафоры нас интересует сохранение в тексте перевода следующих особенностей метафорики оригинала:

- уровень метафорической насыщенности;
- принадлежность метафоры к определенной модели;
- степень разворачивания модели в тексте;
- внутренняя форма метафоры.

Стратегия остранения реализуется при калькировании метафоры. Особую трудность при переводе составляют метафоры, отражающие особенности внутренней политической и экономической ситуации и имеющие критические импликации. Рассмотрим пример оригинальной метафоры, которая принадлежит к модели “Государство – это больной организм”: *Говорячи про мінізацію, перевів би розмову у ширшу площину – мінізація як спосіб життя. Ця тотальна “хвороба” охопила вже і неекономічні органи нашого суспільства: тіньовий політичний та соціальний ринок, тіньовий лобізм* [Кучма 16.04.2003].

Переводческая проблема обусловлена межкультурной асимметрией. В англо-американском политическом дискурсе наблюдается метафорическая концептуализация серьезных экономических проблем при помощи образов, связанных с пьянством [4]: *Talking about shadowization, I would transfer the discussion to a larger plane - shadowization as a way of life. This general “illness” has already engulfed non-economic organs of our society as well: shadow political and social market, shadow lobbyism* [Кучма, 16.04.2003]. Калькирование метафоры способствует отражению особенностей политической коммуникации оригинала и сохранению метафорики текста оригинала.

Стратегия ассимиляции реализуется посредством таких трансформаций, как описательный перевод, генерализация, модуляция, замена символа.

Описательный перевод уничтожает метафору, что приводит к снижению уровня метафорической насыщенности текста: *Не секрет, що і в Києві, і в Москві є гарячі голови, які не проти погріти на газовій темі руки. Причому мова йде не стільки про економіку, скільки про політичну кухню* [Ющенко, 17.12.2005].

Перенос концепта *кухня* в политическую сферу имплицитно сложность политических процессов и их отрицательную оценку адресантом. Президент выражает негативную оценку деятельности отдельных политических сил, не высказывая прямого обвинения. Как свидетельствует Линн Виссон, английский коррелят *kitchen* не имеет переносных значений и “по-английски нельзя сказать *political kitchen*” [1, 135]. Словарь предлагает в качестве эквивалента, уместного в данном контексте, лексему *tachinations*. Использование данного варианта в тексте президентской речи ведет к выражению прямого обвинения. В тексте перевода использован концепт, который представляет собой прямую, не метафорическую номинацию, не имеет отрицательной оценочной семы и в данном контексте не нарушает речевые нормы принимающей стороны: *No secret, there are enough hotheads who wish to line their pocket in this field. We also understand that this issue is more political than economic* [Ющенко, 17.12.2005]. Экспликация позволяет передать смысл высказывания, но утрачивается метафора, выполняющая интерактивную функцию. Мы предлагаем калькировать метафору и выделить ее на письме кавычками: *It is not a matter of economics but political “kitchen”*.

Рассмотрим метафорический образ, содержащийся в радиообращении Президента, которое посвящено Голодомору и проблеме его международного признания как преднамеренного уничтожения украинского крестьянства. Функция проекции в прошлое, аргументирующая оценку исторических событий, выполняется посредством персонификации смерти: *Смерть не розрізняла своїх жертв ні за віком, ні за статтю* [Ющенко, 26.11.2005]. Перевод метафоры был осуществлен при помощи модуляции – *Death killed the young and the old, men and women* [Ющенко, 26.11.2005]. Модуляция позволяет сохранить уровень метафорической насыщенности текста и тематическую принадлежность вспомогательного субъекта, но внутренняя форма метафоры не воспроизводится в тексте перевода. Можно предложить вариант перевода, который будет ближе к оригиналу: *Death “discerned” its victims neither by age nor sex*.

Вторая персонификация смерти, находящаяся в том же тексте, опускается при переводе: *Імена тільки 40 з них змогли встановити, інші покояться на сільському цвинтарі під безіменними хрестами, бо смерть косила цілими родинами і вулицями* [Ющенко, 26.11.2005] – *Only forty of them are known. Others were anonymously buried at our cemetery* [Ющенко, 26.11.2005]. Можно предложить вариант перевода, сохраняющий образность: *Death mowed up and down entire families and streets*.

Генерализация сохраняет уровень метафорической насыщенности текста, принадлежность метафоры к определенной модели, степень разворачивания модели в тексте, но при этом утрачивается внутренняя форма метафоры. В тексте президентской речи содержится техническая метафора, в которой концепт из сферы кузнечного дела переносится на социальные и политические процессы, исторические события: *Народ, який зумів вистояти і зберегти себе у вогненному горнилі революцій, двох спустошливих світових війн, братовбивчих конфліктів, нещадних голодоморів та репресій* [Кучма, 30.11.1999]. При переводе лексема *горнило* заменяется гиперонимом *heat*: *We are a people*

that managed to withstand and preserve itself amidst the ferocious heat of revolutions, two devastating world wars, civil strife, merciless famines and repressions [Кучма, 30.11.1999].

В англо-американской культуре принято использовать образ из области химических исследований – *crucible* для передачи значения “тяжелые испытания”. Данная метафора не является оригинальной, но участвует в реализации топоса величия и выполнении инспиративной функции в инаугурационной речи. Можно предложить замену символа: *We are a people that managed to withstand and preserve itself amidst the fiery crucible of revolutions, two devastating world wars, civil strife, merciless famines and repressions*.

Замена символа приводит к изменению сферы источника метафорической номинации: *Історична пам'ять, розуміння того, хто ми і якого роду, допоможуть зміцнити державу і зцементувати націю* [Кучма, 30.11.1999] – *Historical memory and understanding of who we are and where we came from will help to strengthen the state and glue the nation* [Кучма, 30.11.1999]. В рассматриваемом примере, принадлежащем к модели “государство – это дом”, идеология сравнивается со строительным материалом. В ТПЯ метафора сохраняется, но утрачивает связь со сферой “Дом”. Концепты *цемент* и *glue* имеют общую сему “связующее вещество”, что служит основой замены символа. Корпус, подобранных нами политических текстов, содержит следующие примеры метафорического употребления концепта *glue*: *the glue of nation-states, as the glue that preserves our nation, the social glue that keeps us together as a people, how the social glue of America is being dissolved*. В качестве основного субъекта метафоры в приведенных примерах выступают идея или социальный класс. Следовательно, в американском политическом дискурсе доминирует метафорическое использование концепта *glue* в значении “связующее вещество”. Маркировать различия в метафорической концептуализации политической картины мира можно при помощи калькирования: *Historical memory and understanding of who we are and where we came from will help to strengthen the state and “cement” the nation*.

Реализация стратегии ассимиляции наносит значительный ущерб метафорике текста и препятствует отражению в тексте перевода особенностей метафорической концептуализации политической картины мира в культуре оригинала.

Выводы:

- в современном переводоведении существуют полярные взгляды на выбор стратегии перевода авторитетного текста;

- реализация стратегии ассимиляции при переводе способствует выполнению референтной функции, но уничтожает стилистические особенности оригинала.

- перевод метафоры при помощи методов, реализующих стратегию остранения, позволяет отразить особенности метафорики текста и политической коммуникации культуры оригинала.

Дальнейшее исследование предполагает определение стратегии перевода текстов президентских речей с украинского языка на английский.

Использованная литература:

1. Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. Пер. с англ. – М.: Р. Валент, 2003. – 193 с.
2. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/articles/kobozeva/imk-2001-meta.rtf>.
3. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. – М.: ЭТС, 2004. – 424 с.
4. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov_03a.htm
5. Bassnett S. Constructing Cultures: Essays on Literary Translation/ Susan Bassnett and André Lefevere. Topics in Translation. – Clevedon, Philadelphia, Toronto, Sydney, Johannesburg: Multilingual Matters LTD, 1996. – 143 p.

6. *Munday J.* Introducing translation studies. – L., N.Y.: Routledge Taylor& Francis Group, 2004. – 222 p.
7. *Newmark P.* A Textbook of Translation. – Pearson Education Limited Eighth impression, 2003. – 294 p.
8. Routledge encyclopedia of translation studies / Ed.: M. Baker. – L., N.Y.: Routledge, 1998. – XVIII, 654 p.
9. *Schleiermacher F.* From On the Different Methods of Translating // Theories of Translation: An Anthology of Essays from Dryden to Derrida: Ed. by Rainer Schulte and John Biguenet. – The University of Chicago Press: Chicago and London, 1992. – P. 36-54
10. *Venuti L.* The Scandals of Translation: Towards an ethics of Difference. – L., N.Y.: Routledge, 1998. – 210 p.

Коваль Ю. А.
Национальный педагогический
университет имени М.П.Драгоманова

СЛОВА С МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИЕЙ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА

Для изучающих английский язык четкое понимание функционирования метафоры в речи важно не только с точки зрения обогащения словарного запаса, но и для понимания новых или ранее не известных им метафор.

Данный вектор изучения метафоры является актуальным, поскольку направлен на исследование национальной специфики языковой картины мира, а его результаты могут быть применены при обучении иностранному языку и в переводческой практике.

Многие слова имеют как прямое, так и переносное, в частности метафорическое, значение. Прямое значение слова является основным и исходным в формировании эпидигматики лексемы. В английском языке метафоры широко используются и в литературном языке, и в разговорной речи, на что указывают в своем исследовании Лакофф и Джонсон [1, 7]. Например, прямое значение слова *корень* – часть растения [3, 457]. Слово *root* (корень) используется как метафора для обозначения причины сложившейся ситуации, и прежде всего такой, выход из которой затруднителен [2, 1430]. Использование в метафорическом значении таких слов, как *root* (корень), *wither* (увядать) и *build* (строить) и др. абсолютно естественно для носителей английского языка, поскольку метафора уже лишена своей образности.

Метафора – универсальное языковое явление, однако в разных языках одно и то же слово может развить различные переносные значения, поэтому важно, чтобы изучающие иностранный язык знали это и понимали, что они не всегда могут переносить метафорическое значение слова из одного языка в другой, например, русское уменьшительно-ласкательное обращение *рыбка* не имеет эквивалента среди английских ихтионимов. Более того, существительное *fish* в английском языке употребляется в значении “сомнительный, подозрительный человек” [4, 274].

Необходимо отметить, что метафорический перенос в языке подчинен достаточно жесткой закономерности и осуществляется в определенных направлениях от одной семантической сферы к другой [5, 59]. Самый элементарный случай метафоризации – перенесение наименования с одного предмета на другой, когда символ переноса, отражая эмпирический, чувственный признак, обозначающий форму, размер, цвет, консистенцию и т. п., формирует перенос типа *предмет* → *предмет*. Близок к этому типу переноса тип *человек* → *человек*. В следующей же группе субъект и объект метафоры также достаточно близки, хотя и относятся к разным семантическим разрядам: признак животного